

ГРУППА СПЕЦИАЛЬНОГО НАЗНАЧЕНИЯ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Сергея Груздева*

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 Группа специального назначения / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Личный отряд Берии. Романы о неизвестных операциях НКВД).

ISBN 978-5-04-202516-7

Еще в застенках Лубянки майор Максим Шелестов знал, что справедливость восторжествует. Но такого поворота судьбы, какой случился с ним дальше, бывший разведчик не мог и предположить. Нарком Берия лично предложил ему возглавить спецподразделение особого назначения. Шелестов соглашается: служба Родине — его святой долг. Группа получает задание перейти границу в районе Западного Буга и проникнуть в расположение частей вермахта. Где-то там засел руководитель шпионской сети, действующей в приграничном районе. До места добрались благополучно. А вот дальше началось непредвиденное...

Шел июнь 1941 года...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-202516-7

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Машина переваливалась через кочки, буксовала в жидкой грязи. К ночи прояснилось, мерцали звезды. Тарахтел надсаженный мотор. В свете полной луны выделялись очертания «ГАЗ-4» — кабина, как у полуторки, укороченный кузов, малая грузоподъемность. Кузов был затянут брезентом.

Машина проползла вдоль леска и встала. Водитель выключил зажигание. Стало тихо. Только справа от дороги глухо ухал филин, стрекотал полуночный кузнечик под завалившейся оградой хуторских строений.

— Тиха украинская ночь... — пробормотал молодой водитель в кепке, озираясь по сторонам.

— Тиха, — согласился коренастый пожилой мужчина со щеточкой седых усов. — Только здесь тебе, Фомин, не Украина.

— Да знаю я, товарищ капитан, так, к слову пришлось...

Пассажир потянул носом, прислушался. Не нравилось ему это дело — привередлив стал, во всем подвох видел. Слишком легко все складыва-

лось: вот клиент на блюдечке, подходите и берите. Только и дел-то — набраться терпения да лишних звуков не издавать. Он повернул голову, отодвинул заслонку за спиной.

— Все к машине...

Двое высадились из кабины, трое — из кузова. Все носили штатское, все — молодые, крепкие. Оперативники достали пистолеты, ждали дальнейших указаний. На открытом месте не маячили, отступили за кузов, настороженно озирались.

Умолк филин в чаше. Кузнечик в траве продолжал беззаботно стрекотать. Дул прохладный ветерок — по ночам в это время года было не жарко.

— Все тихо, товарищ капитан, — прошептал кто-то. — Не похоже, что нас здесь накормят и напоят.

— Пива нет, — пошутил другой.

— Разговорчики, — буркнул капитан.

Он колебался, чувствуя предательскую нерешительность. Странно все как-то складывалось. Но нет, он, старый опытный лис, почуял бы подвох сразу. Тем более надежный человек подкинул этот адресок в необитаемой глуши приграничного пространства.

— Фомин, остаться у машины, — негромко приказал капитан. — Как зайдем во двор, переставь ее вперед метров на сто, замаскируй за дорогой, чтобы не маячила, и бегом к нам. Да не торчи тут, как тополь, сгинь куда-нибудь.

— Есть, товарищ капитан...

Четверо пересекли заросшую подорожником колею, рассредоточились за плетнем. Ограда была ветхая, свое уже отслужила — не являлась больше ни преградой, ни украшением. Обитатели хутора давно съехали: приказ по пограничному округу полуторагодичной давности — освободить от населения территории в непосредственной близости от границы. А она совсем рядом — на западе за маленьким леском обрывистый спуск к воде. Середина фарватера — граница. Буг — река полноводная, глубокая, хотя и не широкая — метров семьдесят от берега до берега...

Группа растянулась вдоль дощатого строения. Завалинка осыпалась, крыша просела. Распахнутые ставни держались на честном слове. В окнах кое-где сохранились стекла.

— Внимание сюда, товарищи оперативники, — проговорил капитан. — В доме как будто никого, но убедиться надо. Осмотреть окрестности, двор, сарай. Как осмотрим, устраиваем засаду. Один — на улице, двое — на чердак, остальные... куда там — за печку? Романчук, я сказал что-то смешное? Упыри через пару часов придут. У них тут вроде перевалочного пункта. Есть информация, что они этот хуторок постоянно используют. Наши сюда почти не приезжают, местечко уединенное, опять же крыша над головой...

— Товарищ капитан, может, лучше на границе их подождать? — неуверенно заметил худощавый

оперативник. У него в полумраке настороженно поблескивали глаза. — Придут сюда или нет — вилами на воде писано, а там мы их враз засечем...

— Не фантазируй, Мищенко, — поморщился старший, — не засечешь. Длинная у нас граница, батальона не хватит, чтобы перекрыть весь подзрительный участок. Ты же не думаешь, что они напротив хутора переправятся, да в полный рост с песнями пойдут? А здесь мы их точно накроем. Давай, Мищенко, вперед, осмотри хату, двор, да помни: береженого бог бережет...

Оперативник что-то буркнул в ответ, приподнял тяжелую жердину плетня, перекатился в палисадник, почти не издав при этом шума. Пригнувшись, обогнул молоденькую липу. Потом присел и направился к хате на четвереньках.

— На полный ход перешел, — сострил кто-то.

Мищенко замер, потом перекатился за угол и пропал в слепой зоне. Люди молчали в ожидании. В окружающем пространстве ничего не менялось.

Капитан обернулся. За капотом машины переминался с ноги на ногу Фомин. В зыбкой и тревожной тишине прошло несколько минут.

В доме скрипнула половица. Оперативники затаили дыхание. Что-то упало, покатилося. Капитан выругался сквозь зубы. Снова что-то скрипнуло, но уже глухо. Луч фонарика мелькнул в одном окне, потом в другом. Прошла еще минута. Наконец

знакомый силуэт выскользнул из-за угла и махнул рукой.

— Все в порядке, товарищ капитан, пусто в доме. И во дворе никого, в сараи я не заходил, там черт ногу сломит...

Старший группы перевел дыхание. Приме- рещится же всякая бесовщина — накрутил себя. Мелькнула мысль: «Нахрапом работаем, наудачу, не оповестив вышестоящее начальство. Ладно, победителей не судят...»

Он первым перебрался за чахлый палисадник, за ним последовали остальные.

Когда за углом хаты исчез последний человек, Фомин, оставшийся у машины, расслабился, подтянул рукав, под которым прятал тлеющую папиросу. Затянулся в последний раз, растоптал окурочок. Машинально похлопал по карманам — пусто, ключи от зажигания остались на сиденье. Машину следовало отогнать. Он двинулся вокруг капота и вдруг застыл. Тихий звук за спиной в кустах — словно веточка под ногой переломилась. Екнуло сердце, он начал оборачиваться, сунул руку в карман, но упустил драгоценное время! Второй оплошности враг себе не позволил.

Человек выкатился из кустарника, набросился сзади на опешившего оперативника. Крик застрял в горле, сильная рука сдавила шею. Перехватило дыхание, револьвер выскользнул из ослабевшей руки на землю. Он ударил локтем назад — тоже

оружие. Но локоть пробил пустоту, а в следующий миг неизвестный провел ножом по горлу Фомина. Тело обвисло, забилося в судорогах. Фомин еще мог хрипеть.

— Тихо, товарищ, тихо, — вкрадчиво урчал убийца. — Все хорошо...

Следующий удар пробил трахею — брызнула кровь. Фомин повалился под капот, продолжая подрагивать. Убийца схватил его за воротник, отволокло подальше от проезжей части...

Группа капитана рассредоточилась во дворе. Он был фактически замкнутый — большой пустырь, поросший сорняками и заваленный мусором, пара сараюшек в глубине двора, просевший амбар. Дровяная поленница перед ветхим сараем. Вход в дом находился здесь — крыльцо провалилось, торчали доски. Справа от крыльца лежала пара заржавевших бочек, непригодных для хозяйства, развалившаяся телега. Позади строений чернел лес.

— Растянуться, не маячить... — сипло командовал капитан. — Романчук, Гуревич — внутрь... — Он присел, напряженно всматривался в очертания сараев. Снова кольнуло в сердце — какое-то дурацкое чувство незащитности... — Эй, Мищенко, а ну, присел...

Две тени скользнули к крыльцу. Романчук споткнулся, ругнулся сквозь зубы.

— Товарищ капитан, вы слышите, чтобы Фо-

мин машину уводил? — выдохнул Мищенко. —
Вроде должен уже. Ключи, что ли, потерял?

Предчувствие опасности сдавило грудь. Да это же засада, ядреный корень! Поздно ты все понял, старый дурак!

Романчук и Гуревич уже подбегали к крыльцу.

— Мужики, назад! — ахнул капитан. Все подстроено, их заманили в ловушку! А Мищенко, пока тот шарил по хутору, трогать не стали — больно мелковата мишень.

И в этот момент разразилась суматошная автоматная пальба! Стреляли как минимум с трех точек. Оперативники попали под перекрестный огонь. Люди метались, кричали. Гуревича сразило наповал — он покатился с крыльца, зарылся носом в землю. Романчук присел от неожиданности, метнулся в дом. Пули раскрошили косяк рядом с ухом. Он прыгнул через порог. Из дома грянула другая очередь — плохо Мищенко его осматривал! Там тоже кто-то прятался. Романчук далеко не ушел, пули прошли ему грудь. Верхняя часть туловища вывалилась на крыльцо, ноги остались за порогом.

Мищенко нырнул за бочку, пуля попала в голень, уже на излете. Он возился в груди железа, стонал от боли, полз за бочку, отталкиваясь здоровой ногой.

Капитан метался по двору, рыча от бессилия. Прыжок — он покатился за остов телеги, демон-

стрируя неплохую для своего возраста прыть. Пистолет он не выронил, но повредил левую руку — от боли в плече глаза полезли из орбит. Капитан выматерился, скорчился в три погибели, пришлось опереться на пострадавшую конечность — и чуть сознание не потерял от ослепляющей боли.

В мозгах сумятица. Запорол дело, допустил грубейшую ошибку, погубил людей, да и себя, похоже... Автоматчики перезарядили оружие, снова открыли огонь из укрытий. Режим тишины их больше не волновал — местечко отдаленное, если и услышат, то среагируют не сразу. Пули крошили землю, выбивали щепки из остова телеги. Долго так не выдержать — телега насквозь дырявая и не железная!

Капитана трясло, он не думал о себе. По-любому конец. Он попытался высунуться, хоть что-то разглядеть, сориентироваться по вспышкам. Пуля свистнула рядом, оторвала мочку уха. Кровь полилась за воротник, но капитан не чувствовал боли. Он рычал, как медведь, рука висела плетью, он стал стрелять, не видя мишеней, — вспышки плясали перед глазами, вертелись каруселью. Очередь пропорол грудь у солнечного сплетения, еще одна пуля пробила лобную кость. Капитан повис на переломанной оглобле, кровь ручьями потекла в притоптанную траву...

Пальба прервалась. Послышались щелчки — бандиты меняли опустевшие магазины. Стрельбу вели из советских «ППШ» — совсем недавно по-

ступивших на вооружение. Двор озарялся лунным мерцанием.

Из полумрака появились стрелки. Зашевелился силуэт в районе амбара, выступил вперед. Обрисовалась голова за поленницей с дровами. Из-за угла, со стороны дороги, возник третий — тот, что зарезал Фомина. Заскрипела половица в доме, четвертый отодвинул ногой перегородившего проход Романчука, но выйти не успел, отпрянул к косяку. Снова грянули выстрелы! Раненый Мищенко нашел в себе силы приподняться и теперь выпускал пулю за пулей в ближайшую мишень. Стонал раненый за поленницей, его отбросило к сараю, он сползал по стене. Остальные запоздало среагировали, но снова открыли огонь. Пистолет загремел в пустую бочку, Мищенко осел на землю, затих.

Злоумышленники глухо ругались по-русски, подходили ближе. Тот, что прятался за углом, побежал к раненому. Высунулась голова из дома, выбрался приземистый тип в длинной овчинной безрукавке. Он поднял автомат, прошил очередью тело под ногами — Романчук еще подавал признаки жизни.

Бандит спрыгнул с крыльца, бросил пару слов идущему от амбара сообщнику — рослому, подтянутому. Тот односложно ответил, ткнул ногой мертвого Гуревича, убедился, что с Мищенко все кончено. Схватил за шиворот висящего на оглобле капитана, опрокинул на землю. Пнул в сердцах:

— Спокойной ночи, товарищ капитан, в следующий раз умнее будете...

Они побрели за поленницу, где третий сообщник возился с раненым. Вспыхнул фонарь. Это был еще молодой худощавый мужчина с глубокими залысинами. Лицо посерело, сморщилось от боли. Пуля пробила левый бок. Сочилась кровь. Раненый тяжело, со свистом дышал, блуждали мутные глаза.

— Леонтий, ты как? — Рослый мужик опустил-ся на корточки, уставился на раненого.

— Все нормально, Архип, это не смертельно... — с хрипом выдавил пострадавший. — перевяжите чем-нибудь... вот черт, столько крови потерял...

Он начал материться слабеющим голосом, откинул голову. Кровь сочилась сквозь пальцы, пропитывала рубашку, брюки. Сообщники переглянулись. Перевязывать рану было нечем. Пошарить в машине оперативников? Но сколько времени это займет?

— Терпи, Леонтий, все нормально будет, — пообещал рослый. — Берите его, тащите к лесу, там что-нибудь придумаем. Да живее давайте, не всю же ночь тут торчать.

Подельники взяли раненого за руки и за ноги. Обогнули сарай, понесли в поле. Приземистый тип постоянно спотыкался и выражался «по матери». Рослый досадливо поморщился — мелочь, а все же неприятно. Он встал с корточек, осветил фонарем

землю. Снова поморщился, свалил с поленницы верхний слой заплесневелых осиновых чурок, разбросал ногами. Подумал — еще навалил. Хоть как-то эту лужу прикрыть. Посмотрел по сторонам — все тихо. Есть же в летних белорусских ночах свое особенное очарование...

Луна освещала мертвые тела приглушенным светом. Небритые губы субъекта исказила ухмылка. Он закинул автомат на плечо и поспешил за своими...

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Заключение, на выход! — прогремело с порога.

Полный охранник в новенькой форме, с двумя треугольниками в красных петлицах, показался на пороге камеры, надменно посмотрел на единственного ее обитателя. Спать в это время суток запрещалось. Да и какой тут сон, если много дней — сплошная бессонница.

Человек в арестантской робе поднялся с нар. Плечистый, ростом выше среднего, волосы колтуном, с редкими седыми прядями. Кожа серая, глаза запали. Он сильно сутулился, передвигался неуверенно.

Надзиратель посторонился, пропуская сидельца. В коридоре стоял еще один, автоматчик, он тоже внимательно посмотрел на арестованного.

— К стене! Руки за спину!

На запястьях защелкнулись наручники. Разве тут сбежишь или помашешь кулаками? Сил осталось — разве что признательные показания подписать. Полный осмотрел камеру: не такие уж вместительные квадратные метры, ободранные стены без окон, скомканный матрас, параша в углу — каждое утро заключенный под конвоем выносил ее самостоятельно. Хмыкнул, прикрыл стальную дверь с двумя оконцами — для надзора и подачи пищи.

— Вперед! — прозвучала команда.

Заключенный потащился по давно освоенному маршруту. Внутренняя тюрьма НКВД в Варсонофьевском переулке не отличалась ухоженностью и домашним уютом. Все серое, казенное. Подъем по винтовой лестнице в кирпичном мешке — надзиратель приотстал. Кто знает, что придет в голову этому выродку. Инциденты редки, но все возможно.

Уровнем выше были те же серые стены, лампы в мутных плафонах, часовые в форме НКВД с каменными лицами. Подавляла сама обстановка, даже если ничего не происходило. Помещение для допросов располагалось недалеко от лестницы.

— Лицом к стене! — приказал надзиратель и постучал в дверь. — Разрешите?

Помещение было просторным. В футбол не поиграешь, но развернуться можно. Табуретка перед

столом. Следователь новый: лысоватый, опухший, с маленькими глазками.

Заключенный помялся на пороге — куда, интересно, подевался предыдущий следователь? Тоже арестован и уже дает признательные показания, раскрывая свою контрреволюционную суть?

Конвоир незатейливо подтолкнул его в спину.

— Спасибо, можете идти. — Человек в форме оторвался от бумаг, мельком глянул на арестанта. — А вы, пожалуйста, присядьте... — Он заглянул в лежащее под рукой дело. — Максим Андреевич...

Заключенный, кряхтя, пристроился на табурете. Неудобно сидеть со скованными за спиной руками. После предыдущего допроса болели суставы. «Стреляла» боль в лобной части головы.

Следователь разглядывал доставленного врага народа — пока нейтрально, без предвзятости — как обычную вещь. Под глазом у заключенного синела припухлость — пару дней назад она была ярче и болела сильнее. Разбитая губа обросла коркой, но уже не саднила. Но все время хотелось ее облизать.

— Добрый день, гражданин Шелестов, — сказал следователь. У него был неприятный голос и неспешная манера общения. — Моя фамилия Хавин, я старший следователь Главного управления Наркомата Государственной безопасности, буду вести ваше дело. Надеюсь, с вашей помощью мы доведем его до победного конца. Следователь Ка-

ширин, с которым вы общались ранее, переведен на другую работу. Теперь вам придется общаться со мной.

Заключенный молчал. Его мало волновало, с кем общаться. До февраля 1941-го они представлялись следователями Главного управления Государственной безопасности НКВД СССР. Теперь управление вывели в самостоятельный наркомат, отчего заключенным было ни холодно ни жарко.

Шелестов с трудом разлепил пересохшие губы:

— Наручники снимите... Я на вас не брошусь, не бойтесь...

— За какие, позвольте спросить, заслуги? — Хавин манерно приподнял клочковатые брови. — Может, еще попросите прекратить физические воздействия, предоставить особые условия проживания, скажем, ввиду вашего крайне болезненного состояния? Уверяю вас, гражданин Шелестов, ваше состояние не настолько болезненное. Но мы же не будем доводить до греха, верно? Так что давайте без просьб и пожеланий. Захотите что-нибудь подписать — тогда другое дело...

Он еще не вышел за пределы такта, но в глазах уже поблескивали льдинки. Арестант молчал. За восемь месяцев заключения он повидал немало подобных лиц. Были нервные, резкие, были спокойные, даже интеллигентные, с приятными манерами. Попадались занудливые канцеляристы. Но суть

у всех была одна, она не менялась — ни с корректировкой курса партии, ни с личностью наркома.

«Позапрошлый» нарком внутренних дел Генрих Ягода был не подарок к Новому году, но в сравнении со сменившим его Ежовым — милый и не опасный человек. Ежов выкосил весь аппарат Ягоды — приговоры при этом не отличались разнообразием — обезглавил и ослабил армию, прошелся катком по партийному и хозяйственному аппарату. Человек перестарался, не смог остановиться и поплатился именно за склонность к чрезмерности.

Сменившему Ежова Берии пришлось выкорчевывать весь аппарат предыдущего наркома, исправлять многое из того, что тот натворил. Но полностью остановить раскрученный маховик репрессий Лаврентий Павлович не мог (а может, и не хотел) — что и испытал на собственной шкуре восемь месяцев назад Максим Шелестов...

— Вот читаю ваше дело и искренне удивляюсь, — покачал головой Хавин, — вы не желаете сотрудничать со следствием. Вину не признаете, сообщников по фашистской организации не называете. Продолжаете упрямо твердить, что ни в чем не виноваты, невзирая на изобличающие вас доказательства. Другой бы на вашем месте давно все подписал, признал и покаялся. Вы же... только время отнимаете у следствия. Признайтесь честно, вы изменяли Родине?

— Нет, не припомню... — слова давались с трудом. — Я никому и никогда не изменял, гражданин следователь... Даже собственной жене и даже в те моменты, когда имел на то основания...

— Ну, что ж, чувство юмора — это хорошо, — хмыкнул Хавин. — Удивлен, что вы его сохранили, искренне рад за вас. Надеюсь, это ненадолго. Хорошо. Итак, что мы имеем. — Хавин пододвинул к себе дело. — Шелестов Максим Андреевич, 1903 года рождения... хм, как мило, вчера у вас был день рождения, примите поздравления... Уроженец города Красноярска, учился в техническом училище, затем в среднем механико-строительном, имеет диплом техника-строителя... С 1928 года — в органах ОГПУ, затем перевод в военные структуры... Принимал участие в разгроме белокитайцев в 1929 году на Дальнем Востоке; за проявленное мужество представлен к ордену Красной Звезды... Если не ошибаюсь, во время конфликта на КВЖД красными частями командовал враг народа Блюхер? — Следователь пристально смотрел в глаза заключенному. — Можете не отвечать, вопрос риторический. В ту пору заговорщик и изменник Родины рядился под порядочного советского военачальника. А вы командовали батальонной разведкой... Далее послужной список, можно сказать, безупречен. Участие в операции 1938 года на озере Хасан — на этот раз вам доверили разведку 119-го стрелкового полка... — Следователь хищно